

*П.Г.Щедровицкий,
кандидат философских наук,
Российский институт культурологии*

Россия на рубеже 1995 г.: осевые и фоновые процессы

Введение

В конце 1994 г. (спустя десять лет после начала так называемой "перестройки") можно было отчетливо выделить ряд характерных моментов складывающейся в России социокультурной и социально-политической ситуации. Назовем лишь некоторые тенденции, которые в большей или меньшей степени выделяются многими аналитиками и экспертами (в том числе стоящими на различных политических позициях).

1. *Феномен "второго проживания истории России"*. Существующие социально-политические процессы, выдвигаемые цели и "политические инициативы" удивительным образом повторяют ключевые эпизоды политического самоопределения России в XV—XIX вв.: соби­рание земель вокруг Москвы, присоединение Сибири, борьба за выход к морю, экспансия на Кавказ, формирование конституционного строя.

2. *Феномен воспроизводства одностороннего политэкономического кризиса*. В течение последних четырех-пяти лет практически каж­дый год начинается с борьбы за бездефицитный бюджет и провоз­глашения жесткой финансовой политики. К концу зимы — началу весны обостряются социальные проблемы в депрессивных регионах и отраслях, начинаются забастовки, ожесточаются отношения между территориальными (провинциальными) и столичными груп­пировками; территориальные кланы начинают в результате "да­вить" на Центральные органы управления, используя все механиз­мы, уверенность Центра в необходимости и возможности проведения жесткой бюджетной политики слабеет. В середине весны — начале лета начинаются "послабления", дотации и субвенции территориям и отраслям; обозначается временная стабилизация курса рубля (ко­торая длится иногда до середины или даже конца октября). К началу осени эмиссионная и дотационная политика Центра доходит до пороговых величин, начинают проявляться первые признаки осенне-зимнего инфляционного спада, которые немедленно сказываются на массовых ожиданиях хозяйственных и экономических субъектов. Наложение многочисленных и разнородных факторов (политика правительства в области зарплаты бюджетникам, характер полити­ки сбережений населения крупных городов, игры финансовых ин­ститутов, крупных экспортеров и т.д.) приводит к своеобразному резонансному эффекту: обычно в середине осени происходит резкий обвал" рубля, за которым следует кризис в структурах власти. На гребне "понижательной" волны в экономической и политической сфере страна входит в новый год с ярко выраженными требованиями бездефицитного бюджета и жесткой финансовой политики.

3. *Феномен углубляющейся асимметричности регионального развития России, размещения промышленности, развития новых направлений деятельности и инвестиционной активности*. Суще­ствовавшая в СССР структура хозяйства, включавшая в себя ряд крупных "комплексов" (хорошо известные ВПК, АПК и ТЭК), имела ярко выраженную территориальную компоненту: существо­вали территории, преимущественно ориентированные на топливно-сырьевой, на военно-промышленный и на агропромышленный ком­плексы. Уже в 1992 г. на территории России были воспроизведены противоречия и диспропорции мирового хозяйственно-экономичес­кого развития: фактически сложилась ситуация взаимного эконо­мического шантажа между регионами, с одной стороны, и между регионами и Центром — с другой. Диспропорции между регионами по уровню и темпу развития увеличивались с каждым годом, и до сих пор не найдена адекватная политика их снижения (так, по итогам 1994 г., различия по уровню безработицы — в 40 раз, по уровню финансирования образования — в 30 раз, по уровню сред­ней заработной платы — в 20 раз).

4. *Феномен углубляющегося разрыва в уровне дохода между различными группами населения.*

Вместе с тем, фиксируя названные феномены, эксперты и аналитики существенно расходятся в оценке их причин (источников) и перспектив дальнейшего развития социально-политической и социально-экономической ситуации. Возникает вопрос о том, в каком языке, в какой системе понятий и представлений может и должна строиться аналитическая работа? Какова онтология и методология, в которой могут быть получены эвристические оценки в среднесрочной и долгосрочной перспективе?

К методологии анализа трансформационных процессов

Рассматривая перспективы происходящих на территории бывшего СССР трансформаций, мы сталкиваемся со специфическим набором методологических трудностей.

Во-первых, мы имеем дело с *процессами* распада, трансформации и развития. С логической точки зрения это означает, что любые структурные отношения между функциональными и морфологическими единицами (будь то существующие институты, классы, партии, социальные и профессиональные группы, отдельные индивиды) должны трактоваться как вторичные по отношению к процессам и процессуальному представлению.

Во-вторых, мы имеем дело с процессами и явлениями в процессах, которые, по выражению О.Вите, лишь "обещают возникнуть". Это означает, что в ходе конкретного анализа мы вынуждены иметь дело с *несформированными* (или частично сформированными) субъектами и структурами. Речь идет о латентной субъектности или ее отсутствии. Во многих случаях необходимо вести анализ на языке ситуаций и процессов, которые выступают как своеобразные "машины", производящие определенные изменения, действия и события в социальных структурах, как "поля", в которых возможна кристаллизация и "сгущение" некоторых интересов, действующих сил и энергий, как "рельсы", указывающие направления процессов или тенденций.

Поспешный переход к анализу социальных сил, групп, партий приводит к гипостазированию "ложных субъектов", опирающихся на "зомбированную" социальную базу, или вовсе не имеющих никаких социокультурных корней.

Рассматривая процессы изменения (особенно, процессы развития), мы должны понимать, что следующие этапы и фазы, олицетворяющие будущее и присутствующие в анализе либо через понятие (схему) самого процесса, либо через проекты, планы, сценарии и образы будущего действующих (вовлеченных в процессы) социальных агентов (саких социальных групп и актеров), обладают большей реальностью, чем сегодняшнее состояние.

То-чего-еще-нет, но что-должно-или-может-быть в этом случае обладает большей реальностью, чем то, что-есть-в-действительности, но от чего отказываются или стремятся отказаться на наших глазах действующие агенты.

В-третьих, мы имеем дело с процессами трансформации и развития *систем мыследеятельности (МД)*, т.е. систем, пронизанных рефлексией, сознанием и мышлением, опосредованных коммуникацией и

пониманием (*непониманием*), систем, наделенных способностью к самоорганизации и вовлеченных в процессы постоянной организации и реорганизации, самостоятельных "жизненных миров", характеризующихся эффектами "злонамеренности" (по выражению В.А.Лефевра) по отношению к любому внешнему (в том числе исследовательскому) воздействию на них. Именно деятельностные механизмы определяют и детерминируют социокультурные, социально-политические и социально-психологические эффекты и проявления; последние следует трактовать как формы "манифестации" деятельности и мыследеятельности, зачастую "превращенные" и даже — превратные.

Одним из выводов является признание того факта, что любой анализ и исследовательская программа должны быть осознаны и артикулированы как элемент более сложного программного и проектного воздействия.

К сожалению, большая часть исследований и анализов постсоветского общества, не учитывающая эти методологические принципы, напоминает движение "спиной вперед", где основным предметом интереса является то, что уже сложилось и стало реализацией проектов пяти-шести летней давности.

Кризис системной соорганизации

В последнее время в аналитических оценках очень часто можно слышать о "системном кризисе", якобы наблюдавшемся в СССР и сейчас в России и странах Восточной Европы. Употребление этого термина, по всей видимости, свидетельствует об ошибке языка. Кризис, а точнее, кризисная ситуация, является принципиально *несистемным (асистемным)* образованием. Кризис возникает на границе между системами, в зазоре (чаще всего — историческом), в процессе перехода от одной системной организации к другой. Такова природа экономического кризиса (например, известных кризисов перепроизводства) и в равной степени описанных в возрастной и педагогической психологии кризисов детского развития. Можно предположить, что в данном случае речь идет о кризисе некой "системы", системной или, точнее, *полисистемной организации* (соорганизации, "конструкции") того *социального порядка* (социокультурного и общественного организма), который сложился и существовал на территории СССР.

С этим можно согласиться, но с одной существенной поправкой.

Сам процесс распада, свидетелями которого мы являемся в течение последних десяти лет, вызван, на наш взгляд, не только и не столько "внутренними" для СССР, сколько внешними причинами и механизмами. И наоборот, процесс распада данной локальной системной соорганизации сегодня приводит к трансформации всей мирохозяйственной (МХ) и мирополитической (МП) "системы" (биполярной структуры мирового политического пространства, вытекающей отсюда геополитической "карты" основных мировых регионов, соотношения между развитыми индустриальными, модернизирующимися и отсталыми странами, мировой экологической ситуации и т.д.). В этом плане мы имеем дело, по крайней мере, с двумя различными системами, находящимися в отношениях ассимиляции — аккомодации по отношению друг к другу. При этом очень трудно разделить характеристические процессы, происходящие в МХ и

МП на переломе, обусловленном формированием так называемого "постиндустриального общества", с одной стороны, и процессы распада-трансформации того, что иногда называют "советской" или "социалистической" системой — с другой.

Таким образом, мы утверждаем, что осевым процессом (полипроцессом), с различными проявлениями и эффектами которого распадаются разнопредметные аналитики, является процесс *распада* существовавшей (искусственно организованной и естественно сложившейся) системной соорганизации социального порядка и специфического общественного "организма", который условно может быть назван "советским обществом социалистического типа".

Логика процессов распада

Будучи результатом системного влияния мировых процессов на внутреннюю структуру социокультурной и хозяйственно-политической организации СССР, процесс распада не может рассматриваться как одномоментный акт; он сам является *полипроцессом*, обладает своим особым временем и структурой (полиструктурой). С позиций аналитика можно говорить о "логике" этого полипроцесса.

Одним из вариантов описания "логики распада" может быть модель полипроцесса, фиксирующая основные "линии ломки" существовавшей системной соорганизации и, соответственно, формирования-складывания нового социального порядка. Модель содержит как минимум пять процессов и уровней рассмотрения:

1) макроидеология (система ценностей, ключевых идеологем, обобществленных образов будущего, политической культуры, принятых способов легитимации власти и "богатства" и т.д.);

2) структуры власти и политическая система;

3) структуры управления (в том числе государственность, как одна из осевых технологий управления социокультурными системами, системы местного самоуправления, соотношения между предпринимательской деятельностью и инфраструктурами принятия согласованных управленческих решений, функции и место экономических форм организации хозяйственной деятельности и т.д.);

4) хозяйство (как системная или несистемная агломерация хозяйственных укладов, обеспечивающая воспроизводство базовых условий существования индивида, семьи и локальных сообществ);

5) образ жизни (включая микроидеологию, систему потребительских стандартов и единиц потребления, систему воспроизводства здоровья, безопасности и квалификации и т.д.) (рис. 1).

1. Кризис идеологии	
2. Кризис власти	
	3. Кризис государственного управления
	<p>А Кризис институтов</p> <p>Б. Кризис инфраструктур реализации</p>
	4. Кризис хозяйства
	5. Кризис образа жизни

Рис 1.

Можно выделить ряд характеристик, указывающих на границы и способы объективации введенной модели, а также способы "наложения" данной модели на эмпирический материал. Назовем три фундаментальных принципа:

1) процессы трансформации идут во всех слоях (уровнях) одновременно и параллельно;

2) вышележащие процессы приносят нижележащим "форму организации" (форму выражения) и тем самым "первую" форму существования, а нижележащие приносят вышележащим материал и морфологию (организованный и структурированный материал);

3) это означает, что характеристические (качественные) изменения в нижележащих процессах не могут произойти до тех пор, пока не произойдут изменения в вышележащем уровне.

Для внешних наблюдателей переломные точки в разворачивании процессов распада в каждом уровне выражаются в существенных изменениях и трансформациях социальной морфологии, "проступают" в форме заметных символических событий.

После событий октября 1993 г., символически обозначивших переломную точку в процессах борьбы за власть, процессы распада и кризиса (поиска новой формы организации) переместились на "средний" уровень: началась "борьба за функционирование власти" и реструктуриацию системы управления (прежде всего и в основном — государственного управления).

Энергия разрушения и мотивационная катастрофа

Процессы мыследятельности не только манифестируются в социокультурной, социально-политической и социально-психологической морфологии, но и используют силы инерции, стремления и энергии, накапливающиеся в этой сфере.

Столь масштабные процессы "распада" были бы невозможны, если бы одновременно и параллельно не происходило оформление новых организованностей и структур, если бы между процессами распада и созидания не возникал некий неустойчивый и постоянно меняющийся баланс.

Поэтому естественно задать вопрос о тех ресурсах, за счет которых, во-первых реализовались сами процессы распада, а во-вторых, каким образом эти процессы удерживались в определенной зоне сравнительной устойчивости (ситуация много раз была близка к катастрофической, но все же не переходила "некой" неуловимой границы, отделяющей распад от уничтожения).

В этом плане так называемая "перестройка", без сомнения, оказалась, прежде всего, растратой ресурсов (организационных, интеллектуальных, материальных), накопленных в предыдущие годы. Выделим несколько групп подобных "ресурсов".

На первом этапе (1984—1990) "перестройка" во многом питалась энергией заблуждения: казалось, что есть известные рецепты переустройства хозяйства и политической системы и ими можно достаточно легко воспользоваться.

Наиболее значимой в этот период оказалась энергия стесненного и разбуженного в первые годы "перестройки" потребления и предпринимательской инициативы. Особую роль играла энергия "разу-

паковки" советского пространства (термин В.Каганского): от фрагментации СССР выигрывали местные элиты (прежде всего — руководство союзных республик), в руках которых неожиданно оказались рычаги безраздельного контроля и власти над территорией и ее ресурсами.

На втором этапе (1990—1994) основным ресурсом стали скрытые возможности глубоко милитаризованного хозяйства: наличие нескольких параллельных систем жизнеобеспечения, мобилизационные запасы, излишки сырья и полуфабрикатов на промышленных предприятиях, избыточные производственные мощности. Фактически каждая структура имела возможность "проехать" накопленный в предыдущие периоды "жирок". "Продажа Родины" оказалась достаточно выгодным бизнесом. "Сколачиваемые" в этот период капиталы в подавляющем случае носили корпоративный характер. Заработная плата долгие годы (и до сих пор) играла незначительную роль в структуре реальных доходов практически на всех территориях и во всех отраслях.

1994 г. в определенном смысле можно назвать переломным: "ресурсы", эксплуатировавшиеся в течение десяти лет, либо полностью исчерпаны, либо близки к исчерпанию.

Уже в конце 1993 г. многие предпринимательские и, вообще, активные группы попали в ситуацию *мотивационной катастрофы*. Исходные цели: освобождение от существующей системы принудительного труда, повышение индивидуального дохода, решение элементарных проблем (жилье, развлечения, отдых за границей), повышение мобильности, удовлетворение личных амбиций — оказались сравнительно быстро достигнутыми. Достижение состояния устойчивости и воспроизводства стабильности, тем более развития, — напротив, оказалось сопряжено с трудностями, лежащими вне зоны индивидуального и группового влияния. Даже самые талантливые индивиды и успешные предпринимательские группы, столкнувшись с вопросами инфраструктурного порядка — безопасностью, экологией, культурно-образовательной, инвестиционной средой, воспроизводством квалифицированных кадров, системой услуг — оказались неспособны не только решить, но даже сформулировать осмысленные стратегии в этой области.

Что станет основным ресурсом дальнейших трансформаций и развития на новом этапе?

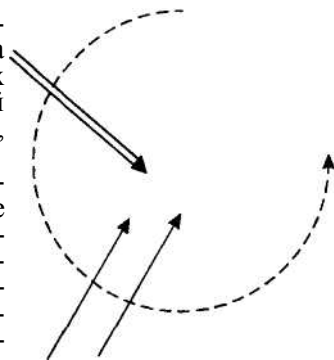
Ключевые механизмы

Мы уже подчеркнули выше, что нижележащие уровни (*полипроцесса* распада) приносят вышележащим "материал" и "морфологию" (организованный и структурированный материал). С аналитической точки зрения анализа, это указывает на наличие особого класса процессов, выступающих в качестве *механизмов* развертывания процессов распада. Механизмы вместе с тем указывают на способы "включения" в процессы (полипроцессы) распада самодвижущегося и обладающего собственными траекториями, целями и энергией "материала" — отдельных людей, малых групп, общин, профессиональных и социальных страт и т.д. (рис. 2).

Запуск процессов трансформации в СССР, без сомнения, опирался на чисто естественную (во многом — физическую) смену поколе-

ний в высшем эшелоне политической власти и кругах руководства промышленностью. Приход новых людей сопровождался сменой (дрейфом) типа знаний, подходов, ценностей и целей.

Распад административно-командной системы, начавшийся после окончания войны и смерти И.Сталина, в 70-е годы привел к возникновению так называемого "административного рынка" (см. работы С.Кордонского, В.Найшуля и др.). Основными процессами при этом стано-

2.

вятся:

1) "приватизация" административно-командной системы (под которой следует понимать переход основных каналов управления в руки отдельных индивидов, сплоченных групп и корпораций);

2) территориальная фрагментация (вызванная борьбой региональных "кланов" за полноту контроля над территориальными ресурсами);

3) модернизация "административного рынка" (выразившаяся в концентрации усилий административных структур в области управления финансовыми ресурсами и "правами").

Процессы трансформации идеологии, системы власти и управления, сопровождающиеся распадом старых хозяйственных связей и резким усилением диспропорций в уровне жизни различных социальных групп, без сомнения, опирались на использование возможностей и скрытых ресурсов милитаризованного хозяйства и советской социальной структуры. Мобилизация скрытых ресурсов и конвертация их в новые типы активов стали основой формирования уникальных стратегий и тактик выживания локальных коммун, профессиональных групп, промышленных и территориальных корпораций, отдельных семей и индивидов.

В этом плане целесообразно выделить, по крайней мере, три фоновых процесса, указывающих на механизмы распада: процессы поколенческой смены, "приватизации" административно-командной системы и выработки отдельными индивидами и группами (в том числе сплоченными группами-корпорациями) и территориальными анклавами стратегий и тактик выживания (социально-экономической адаптации) в новых условиях.

В конце 1993 и, особенно, в 1994 г. эти процессы как бы "исчерпали" себя и уступили место нескольким новым механизмам, поддерживающим "напряжение" социальных систем и обеспечивающим основные шаги трансформации. Эти процессы-механизмы начинают "прорисовываться" поверх названных выше, реализуя свою основную функцию — состыковки макропроцессов и социально-антропной морфологии. Выделим, по крайней мере, три новых механизма, оформившихся в 1994 г.:

1) во-первых, процесс кристаллизации элит (образование новых и реструктуризация старых социально-профессиональных групп);

2) во-вторых, это вторая фаза процессов регионализации, проявляющаяся, по меньшей мере, в двух основных тенденциях: а) в формировании территорий-лидеров (вокруг которых начинают группироваться другие административные единицы, депрессивные и проблемные регионы) и б) в кристаллизации политических и социальных условий для функционирования и развития системы местного самоуправления и, в частности, средних и крупных городов.

3) в-третьих, это процесс *деприватизации* и *реприватизации*.

Остановимся коротко на содержании названных процессов.

Реструктуризация общества и образование элит

Любое общество нуждается в формировании и функционировании особых социокультурных групп, которые бы: 1) были носителями перспективных форм деятельности и мышления, 2) отвечали за эффективную организацию мировых и страновых процессов и 3) вырабатывали новые модели поведения, образа жизни, ценности и цели общественной (публичной) деятельности.

В социологическом подходе эти группы обычно характеризуются как "элиты".

Углубляющийся распад сложившегося и функционирующего без малого в течение 70 лет общественного организма, естественно, выдвигает целый ряд требований к процессам элитообразования и характеру вновь образующихся элитных групп (а также протоэлит).

Наиболее быстро оформилась идеология и практика элитообразования в сфере финансово-промышленной деятельности (где своеобразным идеалом является образ финансово-промышленной олигархии). Другие социально-профессиональные группы — чиновники и административная элита, ориентирующиеся на ценности и идеалы бюрократии, интеллектуальные группы и инженеры, ориентиром которых являются идеалы мелитократии, предприниматели, представители средств массовой информации, общественных движений и некоммерческих организаций, представители образовательных и культурных кругов — гораздо медленнее формируют *пространство самоопределения* и самопроектирования.

Пробуждение городов и формирование территорий-лидеров

Продолжающийся процесс фрагментации бывшего СССР на рубеже 1995 г. принес свои результаты: произошло явное разделение на *территории-лидеры* и депрессивные (проблемные) регионы. Последние рассчитывают на федеральную поддержку, а первые, напротив, начинают формировать свою собственную зону (сферу) влияния, выходящую за непосредственно административные границы.

В то же время ключевой единицей административного деления территории в составе РФ остается область (республика, край). Статус городов и полномочия городских органов управления (самоуправления) (даже крупных — за исключением Москвы и СПб.) остаются под вопросом, хотя именно в городах (поселениях городского типа) сосредоточена подавляющая часть населения и интеллектуального ресурса. Конфликты между областным и городским уровнем управления, развернувшиеся в конце 1993—1994 гг., разрешились в пользу областного (республиканского, краевого) уровня

управления, во многом в силу установок Центра на приостановку процессов фрагментации и сохранение целостности существующих административных единиц (наиболее известны конфликты между руководством Приморского края и г.Владивостока, Калининградской области и г.Калининграда, Краснодарского края и г. Краснодара — мы называем лишь самые громкие примеры в наиболее быстро экономически развивающихся территориях).

Зависимость городов от областного уровня и устойчивости (неустойчивости) крупных предприятий (пресловутая монопрофильность большинства городов и поселений городского типа РФ) сегодня закреплена существующим законодательством, отсутствием реальной выборности на уровне местного самоуправления и структурой бюджетного процесса. К этому следует добавить отсутствие реальных управленческих технологий на уровне городов (городами до сих пор управляют как промышленными предприятиями или промзонами). Вместе с тем существующая структура управления и распределения полномочий (в частности, сверхконцентрация ресурсов на уровне областей) объективно все более и более становится преградой на пути развития.

По всей видимости, 1995—1996 гг. будут периодом пробуждения городов. При этом наиболее вероятными точками роста станут не "первые", а "вторые" города областного (краевого, республиканского) значения (на этот момент обратил внимание В.Каганский).

Деприватизация и реприватизация

Несмотря на то что возможности "приватизации" как большой социальной технологии к концу 1994 г. оказались фактически исчерпанными, процесс перераспределения прав собственности далеко не завершен. Во-первых, первичная приватизация охватила лишь половину промышленных предприятий; во многих отраслях этот процесс только начинается. Во-вторых, практически не началась приватизация в сфере науки, образования и культуры, что затрагивает интересы более 30% населения страны. В-третьих, там, где первичная приватизация осуществилась, не произошло еще соорганизации пучков (пакетов) прав собственности в конфигурациях, необходимых для ведения эффективной деятельности.

Высший управленческий персонал сегодня заинтересован прежде всего в легитимации и легализации уже сложившегося контроля над системами деятельности и материальными активами.

В области промышленного производства передел собственности практически не затронул интересы среднего управленческого персонала, реально отвечающего за нормальное функционирование производственного процесса. Во многих отраслях сложилась ситуация кадрового вакуума на уровне среднего звена управления, вызванная как структурными причинами (сравнительно большей привлекательностью для молодежи новых направлений бизнеса и финансового менеджмента), так и действиями по отчуждению управленческого звена от процесса приватизации (со стороны высшего руководства предприятий и государственного аппарата). После того как первичный "передел" собственности завершился, естественно, возник вопрос, кто и как будет управлять активами промышленных "предприятий", превращая их в подлинные *предприятия*, кто возьмет

на себя риск, связанный с санацией, перепрофилированием, системной реорганизацией, стратегическим маркетингом и вписыванием предприятия в территориальный и региональный контексты.

Группа профессиональных менеджеров, естественно, претендует на соответствующие их роли и значимости места и статусы в общественных и государственных структурах управления. Важнейшим оказывается вопрос об условиях и механизмах, обеспечивающих идентификацию управленческого аппарата долгосрочным интересам предприятия.

В поисках формы: основное содержание текущего момента

Как мы уже подчеркивали выше, основным содержанием третьего этапа "перестройки" и реформ является развертывание кризиса системы управления и, в частности, выстраивание современной государственности. Наша точка зрения противоположна большей части проектных и аналитических разработок в этой области. Мы уверены, что государственность (в отличие от той или иной государственной формы) есть, прежде всего и в основном, особая *технология управления*, обеспечивающая наиболее эффективное включение страновых ресурсов в мировую систему и, наоборот, ресурсов мирового хозяйства и политической системы в развитие территории страны. В подавляющем большинстве случаев в период модернизации и интенсивных трансформаций существующая государственная форма не только не поддерживает, но всячески препятствует эффективному функционированию государственности. За счет этого "государственность" и "государственная форма" расщепляются, с тем чтобы на следующем шаге могла быть выстроена другая, более эффективная система государственного устройства.

Реструктуризация государственности (как комплекса взаимоувязанных технологий управления) и конструирование новой государственной формы в России происходит (как видно из модели полипроцесса распада) в условиях дряхлеющего распада идеологии и системы власти, с одной стороны, хозяйства и образа жизни — с другой. Процессы в "вышележащих" слоях указывают на рамочные моменты, влияющие на государственное строительство, процессы в "нижележащих" уровнях задают комплекс материальных условий и проблем, которые должны быть разрешены за счет новых технологий государственного управления.

Идеологические альтернативы отечественного государствоворейства достаточно отчетливо выражены и предъявлены в публичном политическом пространстве. На наших глазах развертывается столкновение между "открытостью" и "изоляциялизмом", "модернизационизмом", "империализмом" и "национализмом", "либерализмом" и "консерватизмом" — как в приложении к социально-политическому, так и к культурным, экономическим и психологическим вопросам. Разрыв между системами власти и управления выражается в дряхлеющем конституционном кризисе. Этот разрыв, в свою очередь, порождает существенные расхождения между легитимным и легальным, писаным и обычным правом, правом и моралью.

Напротив, кризис хозяйства и образа жизни фиксирует два основных проблемных узла, с которыми должно справиться государство.

1. Во-первых, это структурная реформа хозяйства и промышленности. Она включает в себя комплекс мер по: а) выделению приоритетов хозяйственно-экономического развития страны на рубеже XXI в.; б) разделению государственного (сектора целевого размещения государственных заказов), конкуренторазвивающегося и депрессивного секторов существующего производства и сферы услуг; в) формированию и поддержке экспортных отраслей; г) проведению работ по санации, перепрофилированию и системной реорганизации предприятий, д) формированию инфраструктур, обеспечивающих нормальное функционирование отечественной промышленности, инновационную организацию деятельности в сфере производства и услуг, а также инфраструктур, обеспечивающих развитие промышленности, и целый ряд других направлений деятельности и конкретных мер.

2. Во-вторых, это реформа системы социальной политики и технологии доставки социальных услуг населению.

Будем надеяться, что и на этой, третьей, фазе распада старого и формирования нового "социального порядка" нам удастся избежать катастрофы и реализовать наши ценности и убеждения. Мы уверены, что происходящие в России процессы имеют глобальное историческое значение. История "рожает" в муках и, как всегда, в антисанитарных условиях.